

ГАЛИНА БАЛЕБАНОВА

ОРЛОМ ИЛИ РЕШКОЙ

Книга в журнале

Оглавление

Об авторе	85
Орлом или решкой	86
Сладкие щеки, липкие руки	86
Бордовый, с пряжкой металлической, башмак	87
В морозный день с моей подругой	87
В нашем доме номер шесть	88
Вот было дело: я повис на заборе	89
В кровать укладываю вечером игрушки	89
Мы с Мишкой делили червяка	90
Мир треснул как старый орех	90
На бабушку обиделись часы	91
Наконец-то, я стал королем	92
Снег в лицо. Снежинка тает на щеке	92
Мне сегодня в комнате — простор	93
Как дивны в небе облака	94
Бежали пальцы по роялю	94
Сережке из соседнего двора	95
В день субботний, в первый раз	95
Сегодня небо утонуло в реке	96
В турклубе — заседание	97
Пришла весна	98
Еще сыро и зябко, но мы ровно в пять	98
К нам снеговик пришел вчера	99
Канитель весенняя, канитель	99
Мне срочно нужны для учебы очки	100
Потерялся в Интернете у соседей сын их, Петя	100
Смеются в школе: «Костя, ты маленького роста!»	101
Я — грозный победитель мух!	101
Следы на дорожке у дома	102
Рекой вода во дворе	102

ОБ АВТОРЕ

Поэтесса **Галина БАЛЕБАНОВА** — член Союза писателей России, лауреат премии «За искренность в поэзии, вклад в развитие просветительской деятельности и вклад в популяризацию творческого наследия великой русской поэтессы Марины Цветаевой», учреждённую благотворительным фондом «Просвещение. Традиции. Культура». В 2020 году в числе ста московских писателей ей был вручён орден «За вклад в литературу России XXI века». Обладатель диплома и памятной медали Ивана Бунина «За верное служение отечественной литературе». Обладатель диплома и памятной медали Александра Блока «Покой нам только снится». Эти награды вручены Московской городской организацией Союза писателей России. Лауреат VI Международного литературно-музыкального фестиваля в Крыму «Интеллигентный сезон-2020» (в номинации Поэзия — «Детям», «Природа», «Любовь»). Обладатель Алмазного Дюка (второе место) на Международном конкурсе Дюка де Ришелье-2020. Постоянный участник Дней русской книги в Париже (презентация книг и встречи с читателями), выступала в Российском центре науки и культуры в Брюсселе, на поэтических вечерах в России (в Москве, С.-Петербурге, Калининграде, в Калужской и Рязанской областях, в Казани, Елабуге, Ангарске, Кемерово). Автор сборников стихов: «Как грустно пел аккордеон» (Москва, 2015), «Апрель в декабре» (книга на французском языке, Париж, 2017), «Жизнь не в розовом цвете» (книга на русском и французском языках, посвящённая Марине Цветаевой, Париж, 2019 год), «Собака Павлова» (Москва, 2020). Автор музыкально-поэтического спектакля «Жизнь не в розовом цвете». Постоянная ведущая рубрики «Открытый микрофон» в московском бард-клубе «Гнездо глухаря».

Орлом или решкой,
Эдак или так.
На базаре в спешке
Потерял пятак.
— Что же за напасти? —
Всхлипывал малец,
— К празднику на сласти, —
Говорил отец. —
Ко Христа рожденью,
После постных дней
Будет угощение
К радости твоей.
Хоть и не целковый,
И потёртый грош,
Но теперь дарёный
Где ж в снегу найдёшь?
Бедного парнишку

Пожалел народ.
Кто конфет, кто книжку
К Рождеству несёт.
Кто — печатный пряник,
Кто — орехов горсть.
Пусть наступит праздник,
Что бы не страшлось!

Волшебство, загадка!
Только кто же знал:
Медный под подкладкой
Сюртука лежал.

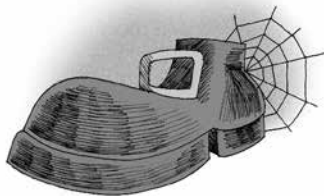
Сладкие щёки, липкие руки...
Утром с подружкой зевали от скуки.
Только к обеду нашли развлечение:
в погреб спустились
взглянуть на варенье.
Просто глазком — и тут же обратно.
Как всё случилось, совсем непонятно.
Только понюхали...
Спелая вишня —
ягодка к ягодке. Вкусное вышло!
И зачерпнули по ложке десертной,
чтобы сравнить
вкус варенья с конфетой.

Но, по одной вкус
распробовать трудно,
(так как тяжёлое выдалось утро).
Как навалилось оно скучной скукой,
весь аппетит потеряли с подругой.

Наш аппетит мы искали везде.
В банке с вареньем нашёлся...
На дне.

Бордовый, с пряжкой металлической,
башмак,
давно заброшенный
в разошедший сундук,
всё думу думал
и не мог понять никак:
где брат-близнец его,
где закадычный друг?
Им все пути-дороги были нипочём,
их обещанье — не ходить по одному.
И ждать хозяина
на коврике... вдвоём,
и тосковать о путешествиях... в углу.

Им было весело друг друга обгонять.
Теперь — один...
Он доживает век вдовцом.
Да! Он дряхлеющий старик —
ни дать, ни взять!
И с умным нё с кем
перекинуться словом.

К тому же рядом разразился
жаркий спор:

каблук и пряжка выясняют,
кто вожак.
Как только полночь —
затевают разговор,
и гам такой стоит,
что не уснуть никак.

«Башмак — старик, смотри,
как грубо рант защит!
Подошва стоптана, —
ворчал под нос каблук, —
От нафталина потерял товарный вид.
И только я — орлом!
Хоть проверяй на стук».

А пряжка хитро улыбалась про себя —
ей было радостно среди старья сиять.
На коже латка,
но зато блестит она
И кто главней — давно пора понять!

От спора этого кружилась голова.
Башмак сказал,
чтоб ни обидеть никого:
«Друзья, без пары мы — никто,
нам грош цена!
Без двух — не сделать нам
и шага одного»!

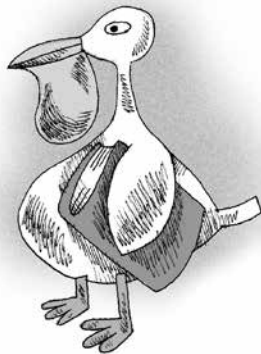
В морозный день с моей подругой
мы стали мерить рост друг друга.
И, сосчитав до трёх, в разбег —
упали рядом — прямо в снег.
На правый бок легли, на левый.
И поняли: подход не верный.
Чтобы — кто выше — посмотреть,
нам надо лечь и замереть.
Ну, если мы замрём в снегу,

тогда смотреть-то некому?!
А встанем — наследим опять.
Нам надо Славика позвать.
Он посмотрел, сказал:
«Всё просто.
Вы — одинакового роста!»
Зачем же мёрзли мы в снегу?
Никак понять я не могу.
Вот только жаль, что заболели,
с ангиною теперь — в постели.

В нашем доме номер шесть
пеликан учёный есть.
Знает цифры и слова,
города и острова.
«Я знаток далёких стран, —
говорил нам пеликан. —
И хочу теперь узнать:
А куда б ещё слетать?
Чтобы — вдоволь рыбных мест,
чтобы — вкусно пить и есть,
чтобы — в дальние края
путешествовать — не зря.»
Ежедневно по утрам
Ходит в школу пеликан.
Жаден умник до наук —
книг прочёл пятнадцать штук!
Только в чтении — пробел:
книжку прочитал...
и...

съел...

Вот было дело: я повис на заборе,
когда с Илюшкой лезли
в грушевый сад.

И бескозырку
(ту, что выиграл в споре)

я потерял, но не вернулся назад.

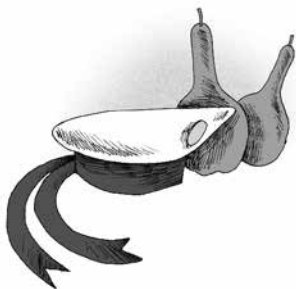
Там сторож...

Лишь вчера досталась от Влада.

На турнике — я настоящий артист.

А он: «И я не лыком шит, если надо
смогу не так!»

А сам сосиской повис...

Мне так обидно,
разорвал даже брюки,
рубашка новая вся в мелких репьях.

Ну, почему все одному, а Илюхе,
ну, хоть бы дырочку
на модных штанах!

Мне говорили,
что друзья делят вместе
до капли крови всё! Не то, что до дыр.
Я за него — дерусь! А он же,
заметьте —
всегда за слабых, против задир.

Ну и пускай теперь
он водится с Владом,

я не заплачу и один проживу!
Ну, не хотят со мной дружить —
и не надо!
А раз я крут — за бескозыркой схожу.

В кровать укладываю
вечером игрушки.

Они ж, как ваньки-встаньки,
всё не спят.

Вот кукла и тигрёнок непослушный,
и заяц, и солдатиков отряд.

А утром... в сон — ну хоть пали
из пушки:

уж в сад пора. Мне бабушка:
«Подъём!»

«Да... жаль нет
удивительной подушки, —

Она сказала как-то перед сном.
Но волшебство её — непостоянно,
она исполнит твой любой каприз.

Но, чтоб узнать,
какая есть в ней тайна,

на правый бок тихонечко ложись».

В ней хороводы ночью водят сказки,
и в мыльных пузырях —

весь небосвод.
Когда ты сразу закрываешь глазки,

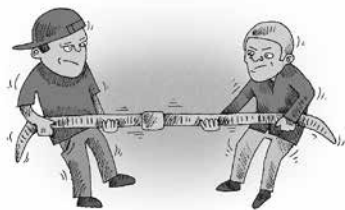

тогда и сказка — тут как тут — придёт.
«И я хочу такую же подушку!» —
я бабушку просила. Ну купи!
Я буду аккуратной и послушной —
чтоб сказки, и цветные пузыри!
И в детский сад проснусь я рано-рано,
и всем игрушкам покажу пример!»
И бабушка сказала: «Вот и славно.
Спокойной ночи...»
И прикрыла дверь.

Мы с Мишкой делили червяка,
когда удили рыбу на затоне.
Плотва, карась
в сегодняшнем улове —
у брата Мишки рыбы — пол садка.
В моём же — окунёк и две уклейки.
Хоть на червя ловили — слабый клёв.
Позор нести домой такой улов
(возможно, был червяк
сегодня мелкий).

И в банке, где хранился наш запас,
не слишком много
для крючка наживки.
Я весь пустой,
а брат собрал все сливки.
Один червяк остался (мой как раз).

Пока его из банки доставал,

брат подбежал. И, думая недолго,
взял удочку мою, заметив строго,
что он вчера один червя копал.

«Он мой, не тронь, куда берёшь!
Не лась!» —
сказал и замахнулся грозно Мишка.
На лбу от кулака вскочила шишка,
а я ему с размаху — в левый глаз.

Пока дрались, про банку-то забыли.
Она скатилась к речке под откос.
Ну, а червяк быстрее в траву пополз,
(пока живой, и рыбам не скормили).

На славу нам рыбалка удалась!
Одну уху потом сварила мама.
К ухе ещё... два синяка, два шрама,
большая шишка и подбитый глаз.

Мир треснул как старый орех,
пополам.
Картинка вверх дном,
и в красках — абсурд.
Ромашковый луг расползался
по швам,
а солнце — линиялый, дырявый лоскут.
Уже третий день не даётся строка,
писатель в печали —
нескладный сюжет.
Уселись в дорожную пыль облака,
уж полдень,
но спит беспробудно рассвет.
Он в каждом дворе
вдохновенье искал,
заглядывал даже в бутылку с вином.
«Ну, хоть ты убейся,
мир прежний пропал!» —

за чистым листом горевал за столом.
Ждёт сказок волшебных
соседский малыш —
три ночи подряд
не уложишь в кровать.
«Ну, крошка, не плачь,
ну что ты не спишь?» —
вокруг ворковала несчастная мать.
Отец шёл с поклоном:

«Почтение Вам!
Когда же напишете, я заплачú?»

А сказочник только бледнел
и страдал,
а утром бегом припустился к врачу:
«Скажите мне, доктор,

я, право, в тоске:
в тумане и в серости трудно творить.
Возможно, всё дело в моей слепоте?
Я жизни теряю волшебную нить!»
А доктор сказал, усмехаясь в усы:
«Мой сударь,

во всём виновато пенсне.
Наш мир не утратил своей красоты,
мешает вам трещина на стекле.»

На бабушку обиделись часы.
Она их раздражённо называла

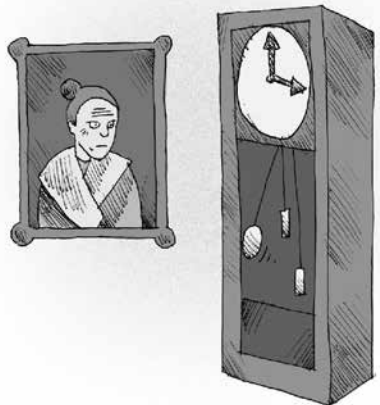
бездельниками.
Охала, вздыхала,
когда за стенкой били их басы.
Ей был немил их торопливый ход.
Вот: только молода, уже — старушка.
Вот: только утро, уж ложиться нужно.
У этих стрелок всё наоборот!

Она тревожно вверх из-под очков
на них смотрела и грозила гневно:
Ходите медленней, как я: степенно,
иначе вас — в чулан, дверь — на засов!

По вечерам тайком пугливо стрелки,
(пока старушка укрощала храп)
Шептались:

«Может, нам ходить назад?
Иль замереть в своём углу навеки?»

«А как же я, —
воскликнул басом бой, —
я, если встанем, сразу заржавею!
Я лишний раз и так пробить не смею,

а я — артист, мне рано на покой!»
И внуки были против. Им как раз
хотелось, чтоб проторней
шли по кругу
и к стрелкам все протягивали руку,
чтобы приблизить
взрослой жизни час.

У внуков тех уже солидный вид.
Часы в своём углу идут бесшумно,
но всё ж с опаской косятся на стену,
где бабушка с портрета им грозит.

Наконец-то, я стал королём!
Было мне на роду написано:
«В королевстве жить будешь своим.
Станешь смелым и независимым.»

Это место — как раз по мне,
Внешне я — вполне уважаемый,
я с придворными на коротке,
образованный, коммуникабельный.

Целый месяц народ ликовал,
поздравлял, как у нас полагается.
Он о лучшей жизни мечтал,
и она уже начинается.
Мой народ работающий вполне,
за большой копейкой не гонится,
поднимается он на заре
и без отдыха долго обходится.

А с соседями мир ни к чему,
интриганы они и захватчики.
Мы уже объявили войну,
и победы дата назначена.

Лишь подумаю, в тот самый миг
пожеланья мои исполняются.
Совершенства я в мыслях достиг,
а в делах не всегда получается.

Но увы, это был только сон,
я проснулся в крохотной спальне.
Подрасту — буду я королём,
а пока я для трона
Маленький...

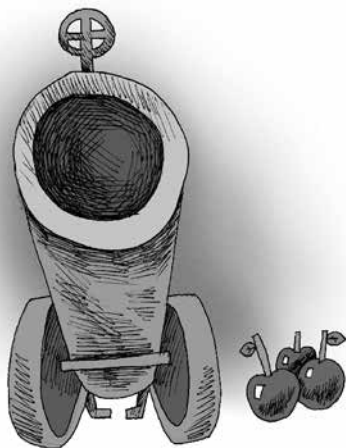
Снег в лицо. Снежинка
тает на щеке.
Катя и Маринка —
в парке на катке.
Ёлочкой, петлёю,
змейкой в поворот.
Шутят меж собою:

«Школа подождёт!
Пусть простит Раскольников —
мы ещё чуток.
Он ведь тоже школьником
бегал на каток».
И коньками снова
чертят вензеля.
Что за книжкой дома
тратить время зря?
Утром Нина Пална
красным в дневнике
Им выводит плавно
двойки. Сразу две!
Это Достоевский
виноват во всём,
Пусть ответит — есть ли
преступление в том?

Мне сегодня в комнате — простор:
я один.
Уже три дня болею.
Все с утра ушли играть во двор,

я ж готовлю к бою батарею.
Встали в оборону, ждут сигнал.
Лучшие стрелки вперёд все вышли.
Как узнать: попал иль не попал?
В цель стреляю самой спелой вишней.
Ничего, что в стены, в окна, в дверь —
это же военные снаряды!
Вишня кончилась...
Ну а теперь
в ход пошёл — НЗ — запас со склада.
Там — драже цветное и ирис.
Зарядил всё сразу, бах из пушки...
Кто на наших? Ну, теперь держись!
Окружаем!
Враг, сдавайся лучше!
Я уже победой окрылён,
только в комнату заходит мама.
В ужасе, оглядывая дом:
«Вижу — боевая панорама.
Слава Богу, комната цела.»
И спросила:
«Кто же был в квартире?»
Я ответил: «Здесь война была.
Не волнуйся, мы ведь победили!»

Как дивны в небе облака,
Они рождаются и тают,
На все взирают свысока,
Их в спину ветер подгоняет.

Вот облако — седой старик,
Один плывёт неторопливо,
Он в жизни всё давно постиг
И обгонять других — лениво.

А это — с профилем юнца
Спешит навстречу приключениям,
Он жаждет ветра без конца,
Он ищет вечного движенья!

Вот величаво в небесах
Над всеми гордо проплывает
Пирог в солнечных лучах,
Нам в зной прохладу посылает.

Кто был барашком, а потом,
Нахмутив брови грозной тучей,
Вдруг, в руки к нам сошло дождём,
Хотя барашком было лучше!

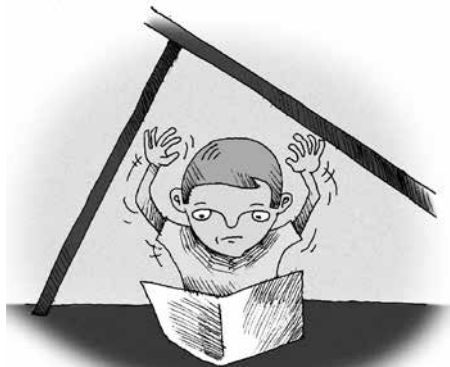
Бежали пальцы по роялю.
Куда бежали, от кого?
Я руки гаммами пытаю,
а так хотелось бы в кино!

Мазурки, фуги, менуэты
меня кружили день-деньской ...
А за окном — друзей приветы,
а за роялем — я с тоской.

День без дизелов и бемолей —
моя заветная мечта.
На нотном стане сильной долей
давно прописана она.

В стране несыгранных симфоний,
в плену невыученных фуг
я б обошёлся слабой долей,
мажором стало б все вокруг.

Но мне с издёвкой вслед кричали:
«Учи этюды, музыкант!»
И так невольно воспитали

в руках моих большой талант.
Сегодня я под гром оваций
на лучшей сцене мировой
поклоны шлю, тем, кто смеялся
и потешался надо мной.

Серёжке из соседнего двора
родители купили самокат.
Теперь мальчишки с самого утра

гурьбою под окном его стоят.
Артём, Илья, Алёшка и Андрей,
когда он накатается (потом)
решают, кто сегодня из друзей
кружок-другой
промчится с ветерком.

Тянули жребий — спички в кулаке.
Все, затаив дыхание, стоят.
Вновь длинная — в Алёшкиной руке,

вытаскивает третий раз подряд!
Ну, что же, уговор есть уговор...
Но тут случился странный поворот.
Увидели они, как через двор
соседская девчонка к ним идёт.
Она к Алёшке робко подошла,
откинула косичку за плечо:
«Ты дашь мне прокатиться до угла?»
А он: «Конечно, жребий наш
не в счёт!»

Мальчишки загудели: «Пацаны!
Дружить с девчонкой —
что это за вздор?
Во всём ей потакать? С какой поры
она важней, чем крепкий уговор?»
Но Алексей растерянно молчит,
и сладко приливает к сердцу кровь.
На самокате том с косичкой мчит
к нему навстречу первая любовь.

В день субботний, в первый раз
оперу смотрел наш класс.
Вроде, «Царская невеста» —
было очень интересно.

Представленьё было долгим.
Чтобы слушать с чувством, с толком
классная сказала: «Дети,
подкрепитесь все в буфете.»
Выпили, наверно, классом
литров пять воды без газа,
сладкой содовой, компот,
(а пирожные — не в счёт.)

Наконец-то, свет погас.
В ожиданье замер класс.
Дядя в оркестровой яме

поклонился.

Заиграли:

скрипки, трубы и кларнет.

Тут на сцене вспыхнул свет.

Мы сидим и еле дышим:

«Где же царь-то?»

«Тише-тише, —

Нин Иванна говорит, —

Кто там креслами скрипит?»

Юля в ухо закричала:

«Увертюра для начала.

В ней лишь музыка одна —
это в опере всегда.

Нам ещё минут пятнадцать
увертюрой наслаждаться.»

Тут по ряду — шепоток:

«Царь с невестой будут в срок.»

Галя аж вскочила с места:

«Где же царская невеста?»

Занавес пополз вверх —
вот на сцене человек —
и как басом запоёт...

Слов никто не разберёт.

Голосил он громко, нудно,
и на сцене стало людно:

кто опричник, кто купец?
Пир пошёл на весь дворец.
И поют они все разом:
кто-то тонко, кто-то басом.

Мы всем классом заскучали
и давай шептаться в зале:
«Ну, когда уже антракт?»
Юлька нам: «То первый акт!»
«Ну а сколько будет актов?
Газировке бы ...
обратно...!
Много выпили воды!»

Мы полезли сквозь ряды...
Зритель шикал недовольно:
«Кто мне на ногу встал больно?»
Влад программку уронил,
Пашка в зале мух ловил.
С Лёшкойю весь акт второй
мы играли в бой морской.
Девочки уже зевали...
Царь со сцены видит —
в зале
весь наш ряд почти что спит.
Вдруг он басом — «Кто храпит?
Я по царскому указу
ставлю двойки всему классу!»

Видимо, в последний раз
в оперу ходил наш класс.

Сегодня небо утонуло в реке,
Гуляют белые по дну облака.
Казалось рыбам, что парят в вышине,
хотя не выросли их крылья (пока).
И с плавниками можно по небу плыть,
Вот так сбылась

любому даст отпор.
Не страшен посторонний
и хулиган-мажор.

И мы сказали: «Хочешь,
возьмём тебя в поход?
Готовь рюкзак, побольше.»

«А бабушка пойдёт?
Нести такую ношу —
ведь непосильный труд!
Я бабушку не брошу.
Пусть вместе нас возьмут.»

у хладнокровных мечта.
Теперь, как птицы (не молчать)
ГОВОРИТЬ.
Трещать без умолку, все бросив дела.
Молчанье рыб —
то, видно, кара небес...
Наговорили vsue столько всего!
Так и несёт их род безмолвия крест...
То за болтливость им молчанье дано...

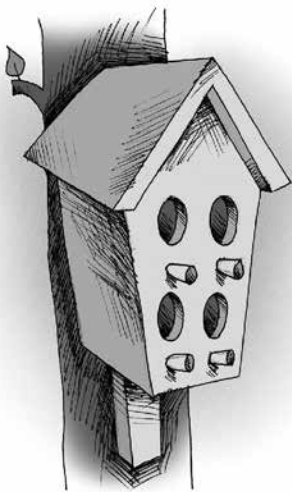
В турклубе — заседание,
серьёзный разговор,
на перевоспитание
к нам в клуб пришёл Егор.
Он в пятом классе с бабушкой
идёт гулять во двор.
«Живёт собака страшная
там!» — говорит Егор, —
Боюсь я злого ворона,
он может клюнуть в глаз.
У лавки ножка сломана —
могу с неё упасть.»
Мне с бабушкой спокойней,

Высокий и усатый
идёт студент Егор.
Но также, как когда-то,
он с бабушкой, ребята,
за ручку...

До сих пор.

Пришла весна.
Мы долго ждали,
когда ж скворечник делать нам.
Сначала птиц всех изучали
по крыльям, клювам и хвостам.
Затем мы выбирали с толком
по оперенью, голосам.
Ведь сделать дом — совсем недолго,
узнать повадки нужно нам.
Как важно раннею весною
иметь под боком тёплый дом.
И шумной птичьей семьею

птенцов растить в гнезде своём.
Потом мы спорили до драки:
— Давай всё делать с образца!
А мне дружок:
Всего две палки
С фанерой — это ж простота!
Но я измерил все линейкой,

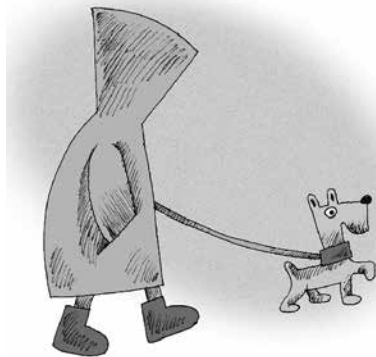
чтоб сделать грамотно чертёж.
— Ещё украсим тонкой рейкой!
— Да где же ты её возьмёшь?

Ах, эти споры, эти ссоры,
от них такая кутерьма...
Пока вели мы разговоры —
Уже закончилась весна.

Ещё сыро и зябко,
но мы ровно в пять —
Я и мой восьмилетний бесстрашный
хозяин

Как всегда,
в час пустынный во двор погулять,
Это — я. Ну а он —
для охраны приставлен.

Небо морщится, хмурится:
«Кто разбудил звонким лаем»?
Да просто настал час прогулки.
И добавит для видимости белил,
Чтобы нас разглядели

через льды и крыши.
Шапка лихо съехала набекрень,
щурит глаз весёлый.
Просыпайтесь птицы,
кому не лень!
Здравствуй, город сонный!
Пляшут в окна блики, как светляки.
До, ре, ми — капли.
Закружились улицы, завели
песню канители.
За углом зима, всего в двух шагах.
Злится, рвёт и мечет.
И, боясь расплакаться, впопыхах
собирает вещи.

Мне срочно нужны для учёбы очки,
мне вредно — для глаз напряженье.
В учебниках школьных не вижу почти
задачи и упражнения.
Учитель отправил к врачу в кабинет:

«Сходи, раз ты слепнешь от книжек.»
А доктор, то в глаз направляет
яркий свет,
то буквы подвинет поближе.
Я путался в них, от натуги моргал,
но доктор заметил уловку.
Дал справку: больного в спортзал
направить...
На физподготовку.

Потерялся в Интернете
у соседей сын их, Петя.
Ищем парня всем кварталом.
Дали фото.
Славный малый:
весь в веснушках, невысокий,
нос картошкой, лоб широкий.
(Это — признаки ума,
говорили нам всегда).

В форме: строгий, взгляд суровый —
в дом заходит участковый.

«Где, ответьте мне тотчас,
был ваш сын последний раз?
Может, завтракали вместе,
может, с книгой в этом кресле,
во дворе играл в футбол,
или он в поход пошёл?»
«Нет, — сказала грустно мама, —
он всё время у экрана,
к нам всегда сидел спиной...
А на фото он... такой».

Да, в сети найти ребёнка —
непростая работёнка...

В дверь звонок: «Пришёл, ура!»

Входит парень метра два:
весь в веснушках, с бородой.
И садится к нам спиной...
Папа спрашивает: «Кто вы?
Может, вы сосед наш новый?
Перепутали звонок?»
«Я ведь Петя — ваш сынок.
Интересная картина,
что, не узнаете сына?!»
И услышав слово «нет»
Погрузился в Интернет.

Смеются в школе: «Костя,
ты маленького роста!»
И дразнятся: «Малявка,
ешь больше каши сладкой!».
Теперь вишу на турнике —
совсем как рыба на крючке.
Как сливы с грушами в саду,
вишу я в дождь, вишу в жару.
Они всё ходят мимо
и говорит ехидно:

«Виси хоть день, хоть целый год,
твой рост — всё в рост — то не идёт.
Ты, Костя — мелюзга пока,
в два хилых, слабых локотка.»
И пусть я мал и не велик,
но чудо совершил турник.
Не хнычу и не плачу,
И дать сумею сдачи.

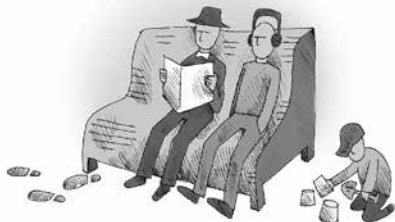
Я — грозный победитель мух!
Теперь они в моих руках.
Прихлопнул их пятнадцать штук,
Аж до сих пор рябит в глазах.

Конец жужжанию.
Взмах руки —
и с войском их вступаю в бой.
Мне папа говорит: «Смотри,
как ловко справился!
Герой!»

От злостных мух спасаю дом:
хлопушка вверх, хлопушка вниз.
Но вдруг раздался странный звон.
Осечка...
Воин, берегись...
Разбился бабушкин сервиз.

Следы на дорожке у дома
с рассвета и дотемна
случайных людей и знакомых
всё ходят туда и сюда.
Гуськом по скрипучему снегу
спешат, обгоняя метель.
Калоши соседи наденут
весеннюю встретить капель.
На цыпочках, через лужи,
чтоб туфельки не промочить.
И кашляет голос простуженный,
спешит домой горло лечить.
Следы, на мужские похожие,

под чьим-то окошком стоят.
Протоптанной тайной дорожкой
уйдут и вернутся опять.
Вот чьи-то кроссовки на клумбе
примяли траву и цветы.
А после, вернувшись из клуба,
следили до темноты.
Два крохотных (прямо с ладошку)
в песочнице будут топтать
куличики. И понемножку —
следами свой век отмерять.

Рекой вода во дворе,
в ладоши хлопает дождь.
Спешил играть к детворе,
по лужам вброд, без калош.
Смелей, вперёд по воде,
бери штурвал, капитан!
Ждёт ребятня во дворе —
одни, без пап и без мам.

Мальчишки те подросли,
ушли в другие моря.
А дождь по ним слёзы лил:
зря быстро выросли.
Зря...